

Эти извѣстія повторялись въ древней Россіи, и наши лѣтописцы пользовались ими при случаѣ, повѣствуя о событіяхъ домашнихъ. Такъ при описаніи изгнанія Новгородскаго епископа въ 1211 году употреблено сравненіе съ Златоустомъ, подвергавшимся также изгнанію. «Злодѣи испрва не хотя добра, — говорится въ лѣтописи — зависть въложи людѣмъ на архіепископа Митрофана съ князьмъ Мъстиславомъ; и не даша ему правитися, и ведоша и въ Торопѣ; онъ же то прія съ радостію, яко Іоаннъ Златоустъ и Григоріи Акраганскыи, тую же испрѣя печаль слава Бога» *). Но если жизнь Златоуста и сохранялась въ памяти его читателей, то безъ сомнѣнія не у всѣхъ съ одинаковою вѣрностію и полнотою. Частности извѣстны были людямъ образованнѣйшимъ; свѣдѣнія другихъ ограничивались общими чертами. Изъ этихъ чертъ долѣе могли сохраниться въ памяти тѣ, въ которыхъ выражается его характеръ, какъ христіанина вообще, нежели тѣ, коими обнаруживается великій ораторъ и государственный человѣкъ Византіи IV вѣка. Болѣе общедоступными были такіа черты, какъ бесѣда Златоуста съ матерью, ссылка его и т. п. Первая черта тѣмъ сильнѣе могла остаться въ памяти, что напоминала подобное положеніе въ жизни Русскаго подвижника, Пр. Θεодосія. И Θεодосія, какъ Златоуста, мать удерживала отъ поступленія въ монашество, и по этому поводу происходили у обоихъ трогательныя свиданія съ матерями. Мать Златоуста, говорится въ его житіи, «поймъши его за руку, введе и в ложницѣ свою, и сѣдши въскрай одра, на немъ же бѣ родила и, рѣками слезы лиющіи и словеса жалостнаа предлагающіи, глаголаше къ нему: ...егда же ма земли придаси и с костми отца своего совокупшии, тогда твори, якоже хоцещи» **). Жизнеописатель Θεодосія, Несторъ, такимъ образомъ передзаетъ бесѣду Θεодосія съ матерью: «Она же видевше сына своего, охопивши же ся имъ надолгѣ плакася горко. И одва мало утѣшившися, сѣде и нача увѣщевати Христова слугу глаголюще: понди, чадо, в домъ свой, и еже ти на потребу и на спасеніе души, да дѣлаеши в дому си по волѣ своей; токмо же не отлучаеши отъ мене; и егда умру, ты же погребеши тѣло мое, ти тогда възвратишися в пещеру сию, якоже хоцещи» ***).

*) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. III. Новгородск. 1-я лпсь. стр. 31.

**) Житіе Златоуста, списанное Георгіемъ, патріархомъ Александрійскимъ. Рукопись XVI в. № 280 въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

***) Русский историческій Сборникъ. Т. IV. Книжка 4. Несторъ, соч. Кубарева. стр. 432.

Какъ о жизни Златоуста у людей не вполне образованныхъ могли удержаться только общія свѣдѣнія, такъ о характерѣ его сочиненій могла остаться только общая, болѣе или менѣе вѣрная, идея. Замѣчая даже при бѣгломъ чтеніи Златоуста необыкновенную живость и ясность въ изложеніи и красоту плавной рѣчи, они до того сблизили въ своемъ понятіи эти качества съ личностію Златоуста, что всякое сочиненіе, въ которомъ находили ихъ, готовы были считать его произведеніемъ. Понятно послѣ этого, что такой цвѣтистый ораторъ, какъ Кириллъ Туровскій, могъ произвести въ своихъ читателяхъ впечатлѣніе, напомнившее имъ прекрасныя бесѣды Златоуста. И едва ли должно считать рѣшительными невѣжами людей, сблизившихъ въ своемъ воззрѣніи Кирилла Туровскаго съ Іоанномъ Златоустомъ. Невѣжа приписалъ бы сочиненіе вмѣсто Кирилла какому нибудь «Крону» или «крину», какъ вмѣсто Несторъ писалъ не *стерпльвъ*, вмѣсто *Іоніи* — *отъ нихъ*, вмѣсто: *се роду* и рожаницѣ крають — *середу*; приписать же Златоусту могъ только человѣкъ съ извѣстною идеею объ этомъ писателѣ. Правда, онъ руководствовался въ этомъ случаѣ инстинктомъ, но самый инстинктъ, чтобы получить возможность дѣйствовать, требуетъ уже нѣкоторой начитанности. И потому не скорѣе ли можно согласиться съ тѣмъ, что въ числѣ нашихъ переписчиковъ были и такіе, которые, любя чтеніе, довольствовались первымъ впечатлѣніемъ при чтеніи и безъ дальнихъ справокъ переводъ принимали за оригинальное сочиненіе и наоборотъ. Несправедливо было бы считать переписчиковъ людьми вполне образованными, но также несправедливо всѣхъ ихъ безъ исключенія называть грубѣйшими невѣжами. Признаніе произведеній Кирилла Туровскаго за сочиненія Златоуста, о которомъ мы упомянули, находитъ свое оправданіе во взглядѣ даже современныхъ намъ ученыхъ. Они признаютъ, что Кириллъ Туровскій былъ достойный подражатель знаменитаго Константинопольскаго патріарха *); что слова его проникнуты духомъ и витійствомъ Златоуста **). Не только на твореніяхъ Кирилла Туровскаго или Серапіона, но и на сочиненіяхъ, наравненно слабѣйшихъ по литературному достоинству, имя Златоуста не обличаетъ въ переписчикѣ отсутствія всякаго соображенія и начитанности. Не одно изъ подобныхъ сочиненій имѣетъ признаки, показывающія, что и составленіе и переписка его не была дѣломъ людей совершенно чуждыхъ образованности —

*) Памятники Россійской Словесности XII вѣка, стр. IX.

**) Исторія Русской Церкви, 1849. Періодъ I-й, стр. 69.